

Широков Александр
Поле синих васильков

История дружбы, изменившая его мир

Александр Широков

**Поле синих васильков. История
дружбы, изменившая его мир**

«Издательские решения»

Широков А. А.

Поле синих васильков. История дружбы, изменившая его мир /
А. А. Широков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936265-0

1723 год. Бессердечный палач, не знавший в жизни ничего хорошего, знакомится с маленькой 12-ти летней девочкой. Благодаря их встрече, которая позже переросла в дружбу, он впервые испытывает чувство радости. Но каким будет его выбор, когда единственный дорогой ему человек станет на его пути? Это история дружбы палача и маленькой девочки. Возможно ли такое на самом деле, решать вам.

ISBN 978-5-44-936265-0

© Широков А. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1: Убийца	7
Глава 2: Смерть приходит в гости	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Поле синих васильков

История дружбы, изменившая его мир

Александр Анатольевич Широков

© Александр Анатольевич Широков, 2018

ISBN 978-5-4493-6265-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Рано или поздно у каждого из нас в жизни наступает момент, когда нужно сделать выбор. От принятого вами решения будет зависеть всё: кем вы станете, с кем будете общаться, о чем будете думать, ложась спать. Вся ваша жизнь будет зависеть от принятого вами решения. И если вы думаете, что с вами этого еще не случилось, не приходилось делать такой сложный и ответственный выбор, у меня для вас плохие новости. Это история о человеке, который сделал свой выбор. Может это история о вас?

Я убежден, что каждый автор оставляет в своей книге частичку себя. Может быть, он делает это не специально, но это так. У кого-то эта частица спрятана за скромным предложением на нужной странице, у кого-то занимает целый абзац, а у некоторых и вовсе вся книга является отражением самих себя.

Я верю, что все, что мы создаем и выносим в массы это наше наследие, то, что будет жить спустя много лет после нас. Картины, книги, фильмы – не важно, через много лет когда автора уже не будет на этом свете, его наследие будет жить, а значит память о нем и он сам. В этой книге тоже есть частичка меня. Всего одно предложение, благодаря которому родилась вся книга. Это – одно из моих наследий.

Но прежде чем вы прочтете эту историю, я хочу спросить вас, о чем первом вы подумали при слове палач? Скорее всего, о каком-то бесчувственном, толстокожем громиле, с огромным топором и черным мешком на голове, я прав? В первый раз я тоже так подумал. Но что если человек не выбирал свою профессию?

Как большинство людей мы ходим на ненавистную работу, делаем то, что не хотим, но за жилье ведь платить надо. А теперь представьте, что на своей «любимой» работе вам сказали, что теперь придется отрубить людям головы. Думаю, как любой нормальный человек вы бы все бросили и сбежали куда подальше. Но что если у вас нет выбора? Убей либо будешь убит. Сейчас кто-то удивится, узнав, что были палачи, не выбирающие это ремесло. Для них профессия передалась по наследству. И неважно кем ты хотел стать в детстве, были ли у тебя мечты как у остальных детей, родившись в семье палача, ты будешь палачом.

И если мы все так ненавидим то, что делаем, может мы и есть палачи? Но кого мы казним?

«Больше всего, я боялся увидеть добрые глаза»

Палач

Глава 1: Убийца

Эта история началась в 1723-м году, в небольшом безымянном городе, который стоял на берегу бурной реки и имел свои правила и законы. Единственным развлечением толпы здесь являлись казни, а палачи у них были любимцы «циркачи».

С виду, ни чем не примечательный серый город, с тухлыми людьми и душными улицами, окруженный непреступной 6-ти метровой стеной. В городе был небольшой, давно опустевший лес, маленькое озеро, с виду напоминающее болото, где вечно плавали дикие утки, и пара кукурузных полей, урожай в которых был постоянно перепорчен птицами

Сверху город был похож на паутину, центром была площадь, где проводились казни, а улицы были тянущиеся от нее во все стороны тонкие нити. Все что требовалось жителям, находилось в пределах окружающей их стены, поэтому за ворота никто и никогда не выходил.

На сотни километров вокруг расстилались только дремучие леса, покрытые тиной болота и высохшие поля. Самый близкий из городов был расположен в 5-ти днях езды, поэтому слухи о творившемся здесь безумии редко выходили за его пределы.

Внешне он не представлял ничего особенного, совершенно обычные дома с кучей грязи за окном и дожди, много, много дождей. Ливни шли неделями, иногда месяцами было не разглядеть солнца. Но это никому не надоедало, ведь все знали, что когда тучи уйдут за дело примется солнце, которое не оставит вас в покое пока не выпарит все ваши мозги.

Это не подходящее место, где стоит останавливаться, чтобы переночевать в долгой поездке или купить недорогой домик. Хоть природа в ясные дни здесь была и прекрасна, причина не в этом. Стоит солнцу скрыться за кронами деревьев, и на улице вы больше не встретите ни одного человека. А если кому-то после бурной пьянки вздумается окунуться в прохладную речку, чтобы немного взбодриться, будьте уверены, вы больше никогда его не увидите, по крайней мере, живым.

Причина в безжалостном убийце. Никто не знает, что им движет и какие у него планы. В его действиях нет ни какой логики. Мужчины, женщины, дети, неважно богат ты или беден, есть ли у тебя дом или ты живешь на улице, он придёт к тебе, если этого пожелает и его ничто не остановит.

Убийства происходят уже много лет. Почему его не поймали? Нет зацепок. Да и нужно ли это кому-нибудь?! Никто не знает, как он выглядит, мужчина ли это вообще? А может это не один человек, и все эти убийства совершены разными людьми? Можно было бы решить что так, если бы не почерк – все убитые им люди были найдены без своих сердец. Кто знает, зачем они ему, ходило много слухов. Одни говорили, что он обычный душегуб, убивающий ради забавы и забирающий сердца в качестве трофея, другие считали его настоящим демоном, они верили, что его собственное сердце не билось и чтобы жить, он вставлял в свою грудь еще бьющиеся чужие сердца. Выдумки вроде этой были у жителей в части. Им всегда было проще свалить что-то страшное и не объяснимое на проделки дьявола, чем думать своей головой.

И люди это главная причина, по которой вам лучше не появляться в этом городе. Они пропитаны желчью, от каждого за километр несет лицемерием и гордыней. Возможно, творившиеся в ночи ужасы сказались на их поведении, да и к тому единственным развлечением здесь были казни, а это не самое милое зрелище.

Но главной особенностью этого города было то, что в отличие от всех остальных только он был с ног до головы усыпан листьями с изображениями без вести пропавшей 11-ти летней девочки. По слухам она была одной из тех многих девочек, которых так же выкрал и утащил к себе жестокий и беспощадный убийца, разгуливающий по ночам.

Маленькие девочки возрастом от 8 до 12-ти лет, очень редко, но все же пропадающие и никогда не возвращающиеся назад – было самым страшным и пугающим для всех в этом

городе. Иногда на следующий день после пропажи, где-нибудь на улице, например в мусоре либо какой-то канаве, стража находила всю одежду, находившуюся в последний раз на несчастном ребенке, начиная от разорванного в клочья платья, заканчивая запачканными кровью носочками.

Я помню тот день, будто это было вчера. Это была одна из самых холодных летних ночей, температура упала до шести градусов, и стояло полное безветрие. За день до этого из города уехал бродячий цирк забитый экзотическими и дикими животными: леопардами, тиграми, львами, в общем, в клетках держали всех тех, в чьих жилах текла сама свобода.

Вход стоил не много, всего одну монету, поэтому от любопытных зрителей не было отбоя, в особенности от детей. Они за ручку тянули своих родителей в цирк и те, конечно же, не могли отказать.

Лично я никогда не понимал, чему так радуются окружающие, смотря на запертого в клетке зверя. Может их смешили его напуганные и безжизненные глаза?! Думаю, если бы они оказались на его месте, им было бы не до смеха. Я любил цирки, правда, как любой ребенок, но только те, в которых не участвовали животные, остальные же я просто ненавидел.

Любые, даже самые незначительные поступки, в будущем приводят к чему-то, в этом я убедился на собственной шкуре, и то, что произошло в ночь с четверга на пятницу, 13 июня, на следующий день после отъезда бродячего цирка, оказало огромное значение.

Улица была усыпана маленькими двухэтажными домиками, стоявшими так близко друг к другу, что казалось, она состоит из одного длинного как товарный поезд дома. На крыше каждого из них стоял черный и абсолютно обездвиженный флюгер. Хищный ледяной глаз смотрел с неба и как фонарный столб освещал все происходящее.

По этой узкой улице, по бокам усыпанной домами, бежит молодая девушка, ее одежда вся разорвана, на теле сильные порезы, а по левой руке течет кровь. В ее залитых слезами глазах отпечатался ужас и не покидает ощущение, что за ней кто-то гонится.

– Помогите кто-нибудь, – перебивая собственный плач, прокричала девушка.

Но на улице ни души, весь город словно вымер, не слышно даже вечного, ночного лая бездомных собак, раздаются лишь крики этой совсем юной и напуганной до смерти девушки. Вся в слезах она подбегает к дому и, разбивая свои ладони о деревянную дверь, зовет на помощь.

– Пожалуйста, помогите, – продолжает кричать девушка и бьет кулаками по двери.

Но никто не открывает. И ей не остается ничего другого, кроме как бежать к следующему дому и вновь отбивать свои руки, оставляя кровавые следы на дверях. Ее крик разносится на много улиц вперед и решить, что ее просто не слышно, невозможно.

В действительности же каждый дом полон народом, но никто даже не пытается ей помочь. Все прячутся в своих норах как зайцы от голодного волка и скованные страхом пытаются не издавать ни звука. Они задергивают шторы, задувают свечи и перестают дышать.

В доме, в который стучит девушка, так же на втором этаже стоит женщина с крохотным младенцем на руках. Она укладывает своего малыша спать и дрожащим голосом, шепотом напевает ему старую колыбельную, слабо покачивая его кроватку.

Крики девушки с улицы слышны все громче и громче, они перебивают ее и словно вбивают в ее голос гвозди. Женщина подходит к окну и медленно закрывает шторы. Но не от безразличия, а из-за страха. По ее морщинистому лицу текут слезы, она плачет и как никто другой хочет помочь этой бедной девушке, но понимает, что если сделает это, то обречет себя и своего ребенка на смерть. Через секунду на весь город раздается пронзительный, последний крик девушки. Женщина наверху закрывает свои мокрые глаза, и тишина вновь накрывает улицы.

Наутро когда луна уже сменилась солнцем, и народ повывлезал из своих душных пещер, посреди дороги скопилась шумная и любопытная толпа и, окружив тело этой совсем юной мертвой девочки, с жалостью смотрит на нее.

– Пропустите, дайте пройти, – сказал один из стражников пытаясь пройти к убитой.

Эти двое стражей которые сейчас с трудом пробирались сквозь толпу, распихивая любопытных зрителей, были ночными дозорными. Именно они отвечали за покой на улицах, и сегодняшней ночью была их смена. Вдвоем они были полной противоположностью друг друга, первый был толстый и низкий, второй же, как это обычно и бывает высокий и худой. Но глядя на них вместе сразу становилось ясно кто здесь главный.

Наконец, с трудом добравшись до нее, они останавливаются. Толстяк наклонился над телом девушки и аккуратно перевернул ее уже совсем застывшее тело на спину.

– Боже, – вытянул стражник, – да, это снова он.

– Сердце? – Спросил второй.

– Оно самое.

Хоть все ее лицо было изрезано в клочья, заляпано грязью и засохшей кровью, девушку тут же узнали. Это была дочь местного фермера, ее звали Лиза, и ей было всего 20 лет.

Все знали ее с самых пеленок, как она прибежала в гости, ставила воображаемые уколы и лечила, потому что любила лечить. Она не хотела продолжать дело своего отца и заниматься кукурузой, у нее были свои планы на жизнь. У совсем юной и самой амбициозной девушки в городе была мечта – уехать из этого прогнившего с ног до головы города и стать врачом, но теперь, все что осталось от ее мечты это изрезанный кусок плоти, который теперь будет гнить в земле и кормить червей.

Ее отцу, конечно, не нравилась, что она собирается так просто все бросить и сбежать в незнакомый город, но он любил ее, поэтому уважал ее выбор и не был против. Хоть она не хотела заниматься кукурузой, а хотела всего добиться сама, пытаясь не быть такой как отец, она все больше становилась на него похожей. И в этом нет ничего плохого, ее отец очень хороший человек.

Когда от туберкулеза умерла его жена, он делал все чтобы позаботиться о дочери. С утра до ночи он вкалывал в поте лица не щадя не рук не ног, а вечером все свободное время уделял ей. Из обычного пахаря он превратился во владельца всех кукурузных полей в городе. Все чего он достиг было ради дочери, и невозможно даже представить каково ему будет, когда он узнает что та, кого он больше всего любит, сейчас наполовину раздетая, холодная, и изрезанная в клочья, как мусор валяется посреди пыльной улицы.

За всю свою короткую жизнь она никому не сделала ничего плохого и то, что с ней случилось ужасно, она не заслужила, чтобы все кончилось так. Но не стоит заострять на ней внимание, да ее смерть важна, она повлияла на многое в этой истории, но все же это история не о ней.

Стражник поднялся, и недовольно сморщив нос, посмотрел на лица всех окружающих его людей.

– Чего уставились? – грубо сказал он, – расходитесь, здесь вам не цирк.

Перешептывания тут же притихли. Народ стал медленно расходиться, косо поглядывая на стражу и показывая всем своим видом, что это они не доглядели и смерть этой несчастной девушки на их совести.

Из 30-ти человек, в толпе находится только один, кто не пытается изображать жалость – это маленькая 12-ти летняя девочка. Она оборачивается и замечает, как недалеко от нее, у забора спиной к ней на коленках сидит маленький мальчик, примерно ее возраста. Она не видит, что он делает, но что-то внутри словно тянет ее к нему. Каждое его действие почему-то вызывает у нее интерес, и через секунду, даже сама не понимая зачем, может от любопытства, может просто от обычной скуки, но она идет к нему.

Возможно, ее заинтересовало то, что она впервые увидела никуда не спешащего человека. Обычно прохожие постоянно куда-то торопятся. Как заведенные все вечно куда-то бегут, пытаясь сэкономить свои драгоценные секунды жизни, даже не думая о том, что возможно в этот самый момент и проходит их жизнь. И бесполезно хвататься за песок в часах.

Подойдя совсем близко, она видит, что этот запачканный с ног до головы мальчишка, в потрепанной одежде и ярко голубыми глазами, похожими на пару бездонных морей, в которых так и хочется раствориться, гладит кота. Большого и облезлого рыжего кота, у которого не было кусочка правого уха, а левый глаз немного косил.

Ее всегда привлекало в животных то, что в отличие от людей, увидев своего уродливого собрата, они не пытаются как-то обойти его стороной или сделать вид, что не замечают. Они ведут себя с ним на равных, не возвышая и конечно никак не занижая, тем самым доказывая, что нам до них как до луны пешочком.

– Привет это твой кот? – Спросила девочка.

– Нет, он бездомный, – застенчиво ответил мальчишка.

– А у него есть имя?

– Я не знаю.

– Он наверно голодный, – сказала девочка и присела рядом.

Она резко плюхнулась на землю, ни капли, не побоявшись испачкать свою одежду, и стала гладить кота.

– Видел, там опять кого-то убили, – спокойно сказала она, да так, будто это происходит каждый день. – Тебе страшно?

– Нет, а тебе?

– Я ничего не боюсь.

На самом деле ей было немного страшно, но она не хотела показаться трусихой, поэтому соврала. Девочка встала, протянула ему руку для рукопожатия и сказала:

– Я Маша, а тебя как зовут?

Для мальчика это было очень неожиданно, обычно из-за его неряшливого вида никто не подходил к нему, а тут такая красивая девочка, да еще и руку тянет. Слегка ошарашенный он поднялся, отряхнул свои грязные коленки и протянул ей руку.

– Я...

Но, не успев сказать свое имя, внезапно появилась какая-то женщина. Она схватила девочку за плечо и резко оттолкнула назад.

– Что ты делаешь? – возмущенно спросила она. – Ты не должна общаться с этим мальчиком.

По ее интонации сразу стало ясно, что это ее мама. Она взяла ее за руку и повела прочь.

– Но почему? – расстроено спросила девочка.

– Это сын палача. Ты не должна водиться с такими как он.

Уходя все дальше, девочка думала, какая разница кто он?! Он не показался грубым, да и повел себя с ней очень дружелюбно. Черт, он ведь гладил бездомного кота, значит, он не может быть плохим. Поэтому она обернулась и помахала ему. А мальчик, который все это время разочарованно смотрел ей в спину, чтобы не показаться невоспитанным помахал в ответ.

Вернувшись, домой мальчишка первым делом прыгнул за стол. Его мама как раз накладывала еду. Ее длинные светлые волосы свисали до ее тонкой талии, и внешне она представляла собой очень доброго человека.

Она была не большого роста, можно сказать среднего, в отличие от своего мужа, который был настоящим гигантом. У того были широченные плечи и под его весом рук, которые были размером с небольшого человека, стол словно сгибался. Он не мог быть маленьким, его профессия этого не позволяла. Как и его отец, этот мужчина был палачом. В ожидании обеда он медленно постукивал своими «чугунными» пальцами по столу и тихонько высматривал, что же на этот раз приготовила его любимая.

На его кожаном ремне чуть правее серебряной застёжки красовался огромный закаленный нож с гравировкой в виде черной вьющейся змеи. Он был выкован еще его дедом и, как и многое в этой семье передавался из поколения в поколение.

Мальчишка знал, что когда придет время этот нож достанется ему, но желания, честно говоря, у него никакого не было, для него это был обычный и к тому же не самый острый ножик, и плевать ему было на всякие там традиции. Первое что бросилось в глаза это раскрытый ремешок. Обычно он всегда был застегнут, это делалось для того, чтобы случайно не выронить его где-нибудь или, например чтобы сберечь от воришек, которых такие вещички привлекали больше обычного, хотя думаю, вряд ли кому-нибудь придёт в голову воровать у двух метрового громилы с двадцати килограммовым топором на спине.

Когда мама, наконец, закончила готовить, она поставила на стол две тарелки и забила их до краев. На этот раз жареные овощи с мясом. Тарелка мальчика была чуть больше среднего размера, но все равно казалась крошечной по сравнению с папиной, на которой лежал огромный кусок мяса размером с половину коровы. Но никто не удивлялся размерам порций, ведь они были совершенно обычные в их семье. Стоило мальчишке потянуться к тарелке, как мама его остановила.

– Руки, – сказала она.

– Я мыл, – ответил мальчишка.

Он и вправду их мыл, но запах кота все еще цеплялся за его ладони. Мама взяла его за руку и приблизила к своему изящно изогнутому носу.

– Сколько раз я говорила, не лезь к бездомным животным. Или ты не успокоишься, пока что-нибудь не подхватишь?!

– Я не трогал, – вытянул мальчишка, да с такой интонацией, будто он сам в это верил.

Но обмануть его маму было не так уж и просто, и сколько бы он не пытался у него никогда это не получалось.

– Иди мой руки и не возвращайся, пока запах не исчезнет – сказала она, показывая пальцем на дверь.

Закатив глаза так, будто это происходит уже не в первый раз, мальчик встал из-за стола и вышел во двор, где стоял старый потертый железный кран. Он взял кусок мыла, лежащий рядом, включил напор посильней и стал тщательно, избавляться от улик.

– И кто их будет гладить, если не я, – обиженно пробубнил он себе под нос.

Вернувшись в дом, он сел за стол и приступил к трапезе. Все к тому времени уже доели, а отец как обычно ждал добавки. За столом никто не разговаривал, это было не запрещено, просто слегка не принято, поэтому в доме как обычно стояла полная тишина, даже мухи не хлопали своими громкими крыльями. Мальчик нарушил тишину, задав вопрос, который уже изрядно поднадоел своему отцу.

– Почему я должен быть палачом? – Спросил он.

Отец бросил ложку и с недовольством вытянул.

– Опять он за старое.

– Но я не хочу, – перебил мальчишка.

– Неважно чего ты хочешь, это у тебя в крови. Твой дед, прадед, все палачи. И в этом нет ничего плохого.

– Но у них даже друзей нет. Люди боятся их и обходят стороной.

– Милый, а кем ты хочешь быть? – Ласкова спросила мама, поглаживая сына по волосам.

– Не знаю, я мог бы ловить рыбу.

– Посмотрите, в нашей семье завелся рыбац, – с недовольной ухмылкой сказал отец. – А жить ты на что собрался? Все кому не лень становятся рыбаками. Считаешь, будешь плавать на корабле? Большинство из них живет на гроши, а палач профессия знатная и платят хорошо. Думаешь, на зарплату рыбака ты смог бы так питаться?

– Зато им не нужно никого убивать.

– Хватит, – выкрикнул отец и стукнул кулаком по столу, да так, что деревянные ножки подкосились и захрустели, а тарелки подлетели и чуть не попадали со стола.

Мальчик выскочил из-за стола и выбежал из дома.

– Ну и что ты наделал? – Грустно сказала женщина.

– Ничего вернется, как раньше возвращался, никуда он денется.

– Может это не его судьба? Вдруг он создан для чего-то другого?

Он посмотрел на свою красавицу жену, и его охватила грусть. Он вздохнул и разочарованно сказал: – Но что я могу сделать?!

– Ты знаешь, – сказала она.

Он посмотрел в ее голубые глаза и все понял.

– Но мы же всю жизнь копили на тот дом, ты уверена?

– Если это исполнит его мечту, да. Я знаю, в душе ты не хочешь, чтобы он шел по твоим стопам.

Она нежно обняла его, и в этот момент все стало решено – их сын не будет палачом.

День близился к концу, мальчик сидел у озера и смотрел на закат. Рядом с ним сидела та самая девочка из толпы, у которой на коленках дремал уродливый и облезлый рыжий кот.

– Ты не обижайся, они ведь не со зла, – сказала она.

– Да, я знаю, – ответил мальчик.

– А что если ты откажешься? Скажешь, я не буду палачом и все.

– Так нельзя.

– Тогда давай сбежим. Далеко-далеко, где нас никто не найдет.

Мальчик посмотрел на нее и подумал, что это самое глупое, что можно было только предложить, но он этого не сказал, хотя по его взгляду девочка и так все поняла.

– Не расстраивайся, мы что-нибудь придумаем, – сказала она, пытаясь утешить друга, и положила руку на его плечо.

В этот момент сзади к ним подошли местные хулиганы – задиры, считавшие себя лучше других, и из-за богатых родителей, позволявшие себе все что угодно.

– Посмотрите на них, сын палача и нищенка, – показывая пальцем и насмехаясь, сказал главный из них и рассмешил своих друзей. – Вы еще за руки возьмитесь. А это что за урод?

Он поднял кота за шкурку и стал разглядывать.

– Ну, ты и уродец.

Коту это не понравилось – он вцепился когтями в его брови и расцарапал хулигану лицо, на что девочка улыбнулась и разозлила его еще больше. В ярости он схватил ее за руку и замахнулся, тем самым заставив ее друга тут же подскочить и ввязаться в драку, но их было слишком много. Толпой они повалили его и стали забивать ногами.

Пока его дружки избивали мальчишку, главный одной рукой крепко держал девочку за шею, а другой затыкал ей рот, чтобы та не кричала и не привлекала лишнего внимания. Это была не первая их встреча, но раньше они никогда не били его так сильно как сейчас. В какой-то момент один из хулиганов даже подумал, что они перегибают палку, но чтобы не отхватить от главного он не остановился, а просто стал пинать в пол силы. Они перестали бить его, только когда им надоело, потом закидали его грязью, плюнули и ушли.

Девочка не бросила его пока ему не стало лучше. До самого вечера она просидела с ним рядом, держа его разбитую голову на коленях, и ни на секунду не отходила. Но когда он смог подняться он даже не взглянул ей в глаза. Ему было стыдно, поэтому он просто встал и, не сказав ни слова, униженно отправился домой.

Когда мальчишка шел домой было уже совсем темно. Весь избитый и грязный он хромал и считал этот день худшим, одним из тех, которых лучше бы никогда не было. Но он и представить не мог, что ждало его дальше. Он подошел к двери, вытер кровь с лица, как он всегда делал раньше, чтобы мама не заметила и не переживала, и зашел в дом.

Он сделал первые шаги и замер. Впереди спиной к нему стоял высокий широкоплечий мужчина. На голове у него был черный капюшон, а в руке он держал огромный нож, с которого капала еще совсем свежая алая кровь. Под его ногами, держась за руки, все в крови лежали мертвые родители мальчика. По стеклянному взгляду матери направленному прямо на сына было件нятно, что жизнь уже покинула ее бездыханное тело, но ее ресницы все еще слабо подрагивали.

Весь дом был перевернут вверх дном и каждая, даже самая безобидная вещь в нем, была разбита или сломана. Погром был признаком того, что его родители не желали сдаваться, они боролись до конца, но, к сожалению все кончилось тем, чем кончилось.

Убийца наполовину повернул свою голову и прищурено посмотрел на мальчика. Из-за того что его лицо было прикрыто черной повязкой, видны были лишь глаза. Зеленые, с черными как уголь зрачками они были похожи на змеиные, и от этого казалось, что стоит ему снять свою черную повязку, и изо рта покажется тонкий, раздваивающийся как развилка в лесу, ядовитый язык. Он полностью повернулся и не спеша стал идти прямо на мальчика.

От веющего от убийцы холода, окна леденели на глазах, и пронизывающий до последних косточек мороз, сжимал все тело мальчишки. Давление в мозгу закладывало уши и пыталось выдавить его покрасневшие и опустевшие на всю жизнь глаза. Внешне он замерзал, а внутри сгорал заживо.

– Убивать твою маму не входило в мои планы, извини, не удержался, – с легкой ухмылкой и насмешкой в ледяном голосе сказал убийца.

Он подошел так близко, что можно было расслышать стук его сердца. И хоть пару минут назад он убил двух не в чем неповинных людей, удары были размеренные и спокойные. Сердце мальчика вовсе перестало биться, сдавленное страхом оно только медленно сжималось и разжималось. Он стоял полностью не подвижно, его ноги будто вросли в пол, а дыхание перехватило. Его взгляд был прикован к своим мертвым родителям и ни на секунду не отрывался.

Танцующие волнами огни от горевших свечей, расставленных в доме, отражались в глазах ребенка и слепили его, создавая в мокрых глазах бесцветные пятна пропасти. А стоящие по бокам потухшие свечи пускали вверх тонкие петли дыма.

– И что мне теперь с тобой делать? Знаешь, раз это все из-за тебя, думаю, будет правильным сделать так, чтобы ты этого никогда не забыл. Я оставлю тебе напоминание.

Он резко схватил мальчика за горло, прибив его к стене, приставил лезвие к его лицу, и медленно, наслаждаясь криком словно пением, стал разрезать все его лицо. Кровь заливала глаза бедного мальчишки, и он во все горло кричал от нестерпимой боли, но убийце только это и нужно было. Испытывающий удовольствие от чужих страданий он пил боль как настоявшееся вино, но, не смотря на сотни убийств, он все никак не мог насытиться им, как умирающий от жажды в пустыне не может насытиться глотком воды.

Глава 2: Смерть приходит в гости

Лес. В тени раскинутой от пышных дубов и высоких густых сосен по узкой слабо вытопанной тропе несется карета в упряжке из четырех уставших лошадей. Их гнали уже третий день и почти не кормили, лишь по вечерам давали половину ведра овса и воды. И дураку ясно, что с такой пойкой лошади долго не протянут, тем более что перед отъездом им даже не удосужились проверить подковы и одна из бедолаг уже второй день мучается от нарывающей занозы.

Дорога была настолько не объезженной, что кучер с трудом справлялся с повозкой. Редко кто скакал прямо через лес, обычно из-за страха разбойников или историй о нечисти, живущей в лесу, его объезжали стороной. Этой дорогой пользовались в редких случаях, только когда кто-то очень спешил и видно это был тот самый случай.

Разбивая подковами слабо протоптанную тропу, лошади оставляли за собой клуб дыма, закрывающий весь лес. Карета вылетела из леса и поехала мимо кукурузного поля, на каждом чучеле которого отдыхали уставшие вороны. Вдалеке же виднелось что-то похожее на город, видно туда и спешили гости.

Внутри, за закрытыми шторами окнами, через которые просачивался свет ярко-желтой лампы, находилось четыре человека. Уставшая от долгой поездки девочка пыталась уснуть, уложив голову на мягкие как одуванчики мамины колени, но яркий свет от висевшей на окне лампы резал ей глаза и не давал сделать этого. Ее отец сидел напротив с вечно хмурыми и сведенными от размышления бровями, постоянно занятой и почти не уделявший внимания своей дочери. Даже собственной жене он уделял внимания меньше, чем ей хотелось бы, а хотелось ей совсем не много.

Одной рукой женщина не спеша поглаживала дочь по волосам, создавая у девочки легкие мурашки, а другой держала спящего еще, совсем крошечного и закутанного в пеленку младенца – единственного кому было все равно, куда они едут и зачем.

А планы были просты, мужчина собирался разобраться с делами своего брата на тот момент короля. Их отношения были далеко не братские, поэтому, как только появился намек на то, что король может лишиться своего места, младший брат уже мчался на всех парах как голодавший весь день пес, которому наложили покусать. Конечно, никто не собирался убирать короля с трона, это были обычные светские размышления, споры о том, что стоит делать, а что нет, но этот мужчина в карете воспринял все слишком серьезно.

От наскочившей на кочку повозки все внутри буквально подлетели до потолка и чуть не попадали со своих мест. Мужчина как озверевший пес в ярости прикрикнул на кучера, чтобы тот понял, кого он везет и тем самым разбудил ребенка. Малыш заплакал от папиного крика, и как бы женщина его не баюкала, он не хотел замолкать. Звон в ушах от младенца стоял уже так долго, что женщина даже начала бояться, что ее муж вновь сорвется на ней, как это было не раз за то, что она не может успокоить ребенка. Чтобы этого не произошло, ее дочь попыталась успокоить брата, она поводила у его лица одной из держащих в руке ромашек, и малыш засмеялся, через минуту он притих, а чуть позже вновь уснул.

Так как в город был только один вход, каждому кто приезжал сюда, было необходимо проехать по старому, почти разрушенному, каменному мосту. В этом городе много чему требовался ремонт, но больше всего в нем нуждался именно этот, почти развалившийся мост. Иногда даже казалось, что он вот-вот рухнет и погубит ничего неподозревающих гостей.

Под мостом неслась ледяная сносящая все на своем пути река. За последние 10 лет ее бурное течение забрало жизнь не одного десятка рыбаков, поэтому уже третий год к ней никто не приближался, даже когда она ненадолго успокаивалась и была тише голубой ваты, медленно плывущей над ней.

Ее берег был усыпан старыми, уже хорошо проработанными термитами лодками и порванными рыболовными сетями. Ее называли бешеный ручей. Не самое подходящее название для реки как мне кажется, я не в курсе кто и зачем дал ей такое прозвище, но оно почему-то прижилось. Может сначала на месте этой реки был ручей, не знаю, но название мне казалось глупым.

Карета подъехала к городу и остановилась у огромных железных ворот, снаружи которых, облокотившись друг на друга, стояли двое сонных и уставших после ночной смены стражников. Один из них подошел к кучеру и взял из его рук письмо, а прочитав его, он решил заглянуть в карету, чтобы проверить, кто в ней находится.

– Открыть ворота, – тут же высунув голову из кареты и с растопыренными, словно подсолнухи глазами, крикнул стражник.

В эту же минуту за воротами что-то закричало и застучало, и стояло им открыться, первое, что возникло перед глазами это огромный черный замок вдалеке, с зазубренной и уходящей в черные тучи крышей.

Карета въехала в город. Хоть было и лето, погода в городе больше напоминала осень. Красные листья застелили улицы, и невозможно было понять то ли время здесь шло по своим часам, то ли просто погода издевается. В этот день ветер был необычайно силен, он слепил прохожих поднятой с земли пылью и уже успел разбить ставнями пару окон.

Чуть не сбив пару детей по дороге, карета пронеслась по узким улицам и остановилась у замка. Первым из нее вышел богато одетый бородатый мужчина, после него светловолосая молодая женщина, а последней со стопкой свежесобранных ромашек вылезла маленькая 11-ти летняя девочка.

Сонный кучер, заморившийся в дороге и постоянно так сильно кашляющий в свой носовой платок, сшитый его мамой, будто у него начинается холера, спрыгнул с повозки и угодил прямо в совсем новую и ароматную кучу местного дерьма, оставленную лошадьми, отдыхающими здесь пару минут назад. Он запачкал себя с ног до головы и в особенности свои новые отполированные до блеска ботинки – подарок жены на годовщину. Он не стал даже пытаться очистить их от травы, уж слишком смачно он вляпался, он просто привязал лошадей к небольшому деревянному столбу со специальной выемкой для еды и воды, и дал две монеты местному пареньку, стоявшему рядом в серой кепке, как плату за корм и поило. Он велел ему обслужить лошадей, а сам пошел отмывать от себя дерьмо.

Мальчишка забежал в старый амбар своего дяди за мешком овса, который для гостей они продавали втридорога и, судя по тому, сколько заплатил кучер, было ясно, что они не местные. Это заведение называлось золотой подковой, но над дверью у входа висела никакая не золотая, а уже все почерневшее от пыли и совсем сгнившее подобие подковы. Как подшучивали жители этого города золотым оно называлось из-за цвета дерьма окружающего все это место, а в каждой шутке, как известно не один пахучий килограмм правды.

Парнишка высыпал «убитым» лошадям большой мешок корма и немного залил водой, чтобы они не давились всухомятку. Те были так голодны, что мгновенно воткнули свои носы в зерно как дротики в доску для Darts и, позабывав свои огромные, пылающие огнем ноздри, стали жадно молотить корм, не думая не о чем, в особенности о том, как дышать.

Как здесь несло думаю и говорить не стоит, представьте себе место без туалета с тучами прожорливых толстых мух, раздувшихся до такой степени что уже и летать не могли, и где набивают брюхо четырехсот килограммовые животные которые, как и все должны ходить в туалет, и, конечно же, сходить лучше здесь и сейчас в прохладном теньке, отбрасываемом от крыши этого амбара, чем справлять нужду на ходу, в пыльной и пытающейся вырваться из-под ног, дороге.

Девочка подходила к грустным прохожим и дарила им по цветку, тем самым улучшая их настроение. Трудно было оставаться хмурым, видя перед собой настолько прелестное создание

с ангельским личиком и глазами переполненными счастьем. Казалось, что даже если взять всю радость, которая была в этом городе за последние сто лет, ее все равно будет меньше, чем есть сейчас в этом ребенке. Подбегая к прохожим и даря каждому по цветку, она носилась от одного края улицы к другому, пока случайно не врезалась во что-то и не упала. Она бегала от одного края улицы к другому, подбегая к прохожим и даря каждому по цветку, пока случайно не врезалась во что-то и не упала. Из-за жесткого и глухого удара ей показалось, что она ударилась о столб, но это был не он.

Под судорожным весельем девочка и не заметила, как налетела на спину самого огромного человека, которого она когда-либо встречала. Этот человек повернулся и им оказался местный палач. В руках у него был невероятных размеров топор, на ногах ботинки шестидесятого размера, сшитые на заказ местной портнихой, а на голове черный мешок с криво прорезанными дырами для глаз. Внешне он представлял собой чудовище, монстра не человеческих размеров с раздутыми, как змеи венами, и только его грустные, ярко-голубые глаза выдавали человека под этой маской.

Любой оказавшийся на ее месте в страхе бы рванул подальше от великана, но только не эта девочка. Хотя она была и не самой смелой, почему-то именно в этот момент ей ни капли не было страшно. У нее было такое чувство, что перед ней стоит ее старый друг, которого она знает уже много лет и с которым у нее связано много веселых воспоминаний. Девочка протянула ему руку с цветком, но встречной руки от палача не последовало. Он просто стоял и молча смотрел на девочку, даже не понимая, что сейчас происходит.

Палач смотрел в ее глаза и не видел даже намека на страх. Обычно незнакомцы, увидев его, забывая собственное имя, все силы они тратят на сдерживание мочевого пузыря, не говоря уже о том, чтобы просто стоять напротив и смотреть ему в глаза. Но девочка не придавала значения его внешности, ей было все равно так же как и всем нам в ее возрасте. Но в ее взгляде было что-то, что пронизывало палача до самых его гранитных пяток. Не понятное чувство, которое он никогда раньше не испытывал. Это были не муравьиные мурашки, пробирающие нас во время страха, не чувство беспокойства, долга, или волнения, это был даже не пилящий мандраж, нет, пугающе безмятежное спокойствие, перекаати поле или полный штиль в душе – вот что это было.

Мама девочки, увидев, как ее дочь стоит рядом с палачом тут же подбежала и оттащила девочку от громилы.

– Что ты делаешь? С ума сошла, это же палач, больше никогда не подходи к нему, – взволнованно сказала ее мама и увела девочку.

А палач все так же стоял и не подвижно смотрел на цветок, лежащий на земле. Он наклонился, поднял его, и аккуратно протер от пыли своими толстыми пальцами. Боясь испортить, он не сжимал его в кулаке, а положил на черствую и мозолистую ладонь, размер которой идеально подходил цветку.

В замке на третьем этаже как обычно у окна стоял король и любовался городом. Среднего роста мужчина с холодным взглядом и вечным чувством недовольства. Корону он никогда не носил, считая ее бесполезной побрякушкой, все и так знали кто он и на что способен. Жителям не повезло с королем, он был жестокий не ставящий ни во что чужую жизнь, тиран. Все в этом городе принадлежало ему и это его пьянило. Хотя он и был тот еще тип, он никогда не показывал свою жестокость на публике, опасаясь за свою репутацию. И то какой он на самом деле знал лишь его личный стражник бегающий за ним как собачонка и выполняющий за него всю грязную работу.

Вид из окон открывался на площадь – большое пустое пространство, по кругу окруженное домами, словно гладиаторская арена, с невысокой деревянной конструкцией посередине. Именно здесь происходит казнь – любимое развлечение короля. В этот момент в ожидании очередного зрелища как раз скопилась любопытная публика.

Зал напоминал, что то среднее между музеем и комнатой пыток. Длинный широкий коридор, блестящий пол из черного мрамора, а у стены как экспонаты стоят различные орудия пыток, начиная от «Испанского осла» (деревянного треугольного бревна) заканчивая «Колесом Екатерины». Здесь было много всего интересного «Ругательная уздечка», «Грудные когти», «Колыбель Иуды», «Дробилка головы» и т.д., но самым его любимым экспонатом были «Дыбы» (деревянная рама, растягивающая конечности в противоположные стороны и в конечном итоге разрывающая жертву на части). Они были первым, что он поставил у той покрытой маленькими трещинами стены, и благодаря ей и пошла вся эта выстроенная в ряд коллекция. Все это стояло напротив пяти огромных окон, и постоянно блестело от светившего на них солнца. На входе обычные двери были заменены на огромные. Они не были тяжелыми и открывались так же легко, только лишь придавали пафосный вид.

Двери распахнулись, в зал забежал немного запыхавшийся стражник и сказал:

– Мой король он прибыл.

Тут же следом зашел мужчина. Чекая шаг, он подошел к королю и, улыбаясь во весь рот вытянул:

– Ваше величество.

– Брось к чему это лизоблюдство, – перебил король, – проходи, рассказывай, с чем пришел.

– Ну, точно не с пустыми руками.

После этих слов за дверьми последовал небольшой грохот и в зал закатили черный стоячий саркофаг, по виду и размерам напоминавший человека. Это была железная дева – средневековое орудие пыток, представляющее собой черный сделанный из железа шкаф, внутренняя сторона которого была усажена длинными и острыми как бритва кольями. Из-за того что она казалась слишком жестокой ею уже давно не пользовались и теперь она стала исключительно предметом созерцания. Ее черное подобие женского лица с мелкими впадинами и выпуклостями не выдавало никаких эмоций. И хоть внутри нее распрощалась с жизнью не одна сотня человек, ее блестящие от солнечных лучей серебряные колья были по-прежнему невероятно остры. Внутри были видны расцарапанные пальцами стены, и если прислушаться, можно было слышать как шепчет воздух, напоминая последние вздохи несчастных.

– Что это? – спросил король.

– Я слышал, тебе нравятся подобные вещи, – ответил мужчина.

Король открыл ее и увидел внутри торчащие острые колья.

– Необычно, – подметил он.

– У меня есть к тебе маленькая просьба.

– Вот, теперь я тебя узнаю. Говори что нужно.

– Найдется ли в твоём городе местечко для брата и его семьи?

– У тебя дети? Надо же. Конечно, приютим, где только пожелаешь.

Король подбежал к окну и, улыбаясь, сказал:

– Покажи пальцем на любой понравившийся дом, и я тут же прикажу его освободить.

– Спасибо, – засмеялся мужчина. – Ладно, я немного устал, сам понимаешь, дорога была не близкой, так что...

– А казнь? Тебе нужно на это взглянуть. У меня есть один палач настоящий Da Vinci с топором.

– Нет, такие шоу больше не по мне.

– Ну что ж, на нет как говорится и суда нет... Стража, – выкрикнул король, – отведите брата в его покои.

Сразу после того как мужчину вывели из зала, к королю подошел его личный стражник. По размерам он был больше короля и всех остальных в этом замке. Он остановился напротив и направил на него свой пустой взгляд.

– Не выпускай его из виду, – озлобленно и, сведя брови, сказал король.

Стражник молча вышел из зала и тихо закрыл за собой огромные двери. Король подошел к окну и бросил свой взгляд на площадь. Собралась невероятная толпа, казалось, что весь город пришел посмотреть на казнь. Как одно целое толпа орет и чего-то требует. Она испытывает ненависть к заключенному, просит его смерти, хотя даже не знает, что он натворил. Да и виновен ли он? Им это не важно. Главное – это посмотреть на его страдания и получить удовольствие. Увидеть, как голова заключенного будет отделена от туловища, как она упадет в корзину, словно переспелый плод с дерева – это единственное что нужно толпе.

Непонятно почему, но в отличие от остальных городов, где казнь служила чем-то вроде устрашения, здесь она являлась только развлечением. И те ужасы, происходившие на эшафоте (помост для проведения казни), от которых у нормального человека должна стечь кровь в жилах и цепенеть сознание, вызывали у публики лишь непринужденную улыбку.

В середине «сцены» на пне склонился очередной смертник, ожидающий казни. Его пока еще прикрепленная к телу голова лежала на холодном пеньке, пропахшем давно стухшей кровью, а крошечные останки волос и засохшей кожи между трещин напоминали, что сейчас произойдет, хотя забыть и так было невозможно. Над ним как бетонная статуя стоял палач. Его два с половиной метра роста, для заключенного казались бесконечностью уходящей в небо, и похожий на могучий ствол дерева он поднимался вверх до самых облаков. Гигант смотрел в окно замка и ждал приказа. Крики толпы не затихали ни на секунду, они были оглушительны, но, не смотря на это, в ушах палача стояла полная тишина. Он смотрел в окно на короля, который вот-вот должен был отдать приказ и ждал. Через мгновение король кивнул головой и в ту же секунду палач обернулся и молниеносным движением отсек преступнику голову.

Во время казни у всех смертников была одна общая черта, перед самым концом, услышав звук замаха топора, они делали глубокий вдох и задерживали дыхание. Поэтому когда их голова отпадала, раздавался слабый свист, напоминающий сдувающийся шарик. Это воздух покидал их раздутые и наполненные страхом легкие. Звук был настолько тихий, что слышать его мог только палач. Выкинуть его из головы было невозможно, это одна из тех вещей, которая всегда с тобой и любой похожий звук, например, такой как тихий свист ветра ночью, хлопанье крыльев стрекоз или скрип прожорливых комаров напоминал ему об этом, и заставлял вздрагивать в холодном поту. Кошмары, иногда срывшиеся обычным людям, для палача были обыденностью, но к таким вещам какими бы частыми они не были, невозможно привыкнуть и каждую ночь, ложась спать, он знал, что даже сон не позволит ему забыться.

Были случаи, когда смертники так дрожали от страха, что прямо на эшафоте, склонив голову перед палачом и на глазах десятка глазующих на него людей, ходили прямо под себя. И вы представить не можете как запах мочи и дерьма вперемешку с кровью веселил народ.

– Посмотрите, этот трус обделался, – кричали они и тыкали на него пальцем как избалованные дети.

Но на сегодняшней казни ничего подобного не было, а свист скользящего воздуха по заточенному до блеска лезвию топора и глухой удар в конце означали только одно – представление окончено.

Удовлетворенная и улыбающаяся друг другу толпа стала медленно расходиться и заумно обсуждать, как прошла сегодняшняя казнь, будто они что-то в этом понимали. Они искали недочеты в действиях палача, мелкие ошибки, неотточенные движения и, конечно же, не обходили и самого казненного. Даже то, что секунду назад он лишился жизни и сполна ответил за все совершенные им поступки, вид его окаменелой словно после игры в гляделки с Медузой Горгоной головы, в уже пропитанной насквозь кровью корзине, все еще вызывал у толпы раздражение. Они считали, что просто отрубить голову – мало, сначала нужно было переломать ему все кости, вырвать щипцами все его зубы и медленно приречь каждый сантиметр его

обездвиженного, но все еще чувствующего боль тела, в общем, замучить до такой степени пока тот не упадет на колени и в слезах не начнет молить избавить его от страданий.

Хоть представление прекратилось, и все уже разошлись, у палача работа только начиналась. Ему еще предстояло завернуть тело в мешок, отнести на кладбище, похоронить и еще много всего.

Для преступников и обычных жителей здесь были отдельные кладбища. Никто не желал, чтобы их хоронили рядом. Все считали, что убийцы этого не заслуживали и что те на чьих руках кровь не должны порочить могилы натерпевшихся от их же зверства родственников, отдыхая неподалеку. Люди считали не правильным когда погибший и его же убийца похоронены рядом, поэтому кладбища так и делились, на убитых и убийц.

И хоть название «Кладбище убийц» говорило само за себя, и сразу же становилось ясно, что здесь зарыты только жестокие преступники и одичавшие отбросы общества, другое же названное кладбищем убитых было не совсем верным и имело не большие нестыковки. Да здесь лежали убитые и не в чем неповинные люди, но кроме того тут еще были обычные граждане: дедушки и бабушки спокойно уснувшие во сне в своих теплых кроватях, погибшие от несчастного случая работяги, слишком рано оставившие свои молодые семьи, рожденные в горе бездыханные дети, и случайные утопленники, в общем все остальные, а не только силой лишенные жизни.

Палач знал, что когда он умрет, его, конечно же, похоронят на этом самом кладбище убийц. Его могила станет таким же заросшим густой травой безымянным клочком земли без историй и воспоминаний. Она будет только мозолить прохожим глаза, и занимать лишнее место. Никто никогда не вспомнит о нем, не придет навестить и не положит даже засохших и не источающих запаха цветов. Возможно, никто даже не будет знать, кто здесь зарыт, ведь кому какая разница.

В обязанности палача входило только проведение казни, но он копил монеты на кое-что очень важное для себя, поэтому цеплялся за любую работу, одной из которых являлась сопровождение священника по подземелью.

Подземелье представляло собой длинный коридор, по бокам которого в клетках держали заключенных, ожидающих своей смерти. Оно находилось прямо под замком, и с разных краев имело две крученые ведущие наверх лестницы, и только один прямой выход на улицу, по которому в последний путь и выводили заключенных. Это была не тюрьма, настоящая тюрьма находилась в северо-восточной части города, здесь же держали тех, кто был приговорен к смерти.

Всего в подземелье находилось 24 камеры, которые были разделены поровну на 4 секции, то есть по 6 в каждой. Секции делились на детей, тихих, буйных и особо буйных. Почему на буйных и тихих не делилась детская секция? Да потому что каждый из них вел себя одинаково. Они забивались в угол своей камеры и выплакивали все слезы без остатка до тех пор, пока жжение в горле не мешало им дышать. Считаете казнить детей жестоко? Тогда я даже не буду приводить примеры их преступлений, чтобы вас ненароком не вырвало.

Трудно представить, что они чувствовали, зная до минуты точное время своей смерти. Они не могли ни есть, ни спать, в секции буйных даже появилась шутивная присказка на этот счет, «я не могу ни есть, ни спать, ведь мне скоро помирать». Охрана так, часто подшучивала над заключенными, за что иногда получала плевков в лицо, а те в свою очередь выбивали им за это зубы. Здесь это называлось круговорот зубов и шуток. Говоря простым языком, правила здесь были просты, хочешь остаться целым и выйти самостоятельно, а, не опираясь на стражу из-за сломанных ног, тогда веди себя тихо. И не стоит их жалеть, каждый здесь заслуживал смерти, а некоторые даже не одной.

Так как казнь была представлением, делали все, чтобы смертник дожил до дня казни, ведь если этого не случалось и заключенный, от ночных кошмаров либо вечных мук ожидания,

пытался убить себя раньше положенного срока, это лишало публику представления, а за одно и не слабо злило короля.

Люди с улиц называли заключенных ждавших смерти – смертники, но здесь же в месте, насквозь пропитанном безумием и чужими страхами, их называли только заключенными или вовсе никак не называли.

Здесь вообще не произносили никаких слов как-то похожих на смерть, ведь стоило заключенному только вспомнить о ней, как страх и ужас вновь сковывал его и начинал заживо съедать. Заключенные начинали кричать и молить выпустить их, кто-то бился в припадках, кто-то пытался перегрызть себе вены на руках, некоторые даже выкалывали себе пальцами глаза и откусывали языки. Они делали все, чтобы не дожить до представления, и в такие моменты остановить их было практически невозможно.

Здесь побывало много народу, большая текучка никогда не давала камерам пустовать, но, сколько себя помню, одна из них всегда оставалась свободной, и из-за этого палачу постоянно казалось, что она ждет именно его.

Каждого заключенного с момента прибытия держали здесь ровно неделю и спустя отведенное ему на примирение со своими демонами время, в полдень его казнили. По мнению священника именно столько требовалось человеку, чтобы он мог подумать о том, что совершил и раскаяться в своих грехах, поэтому он и попросил короля дать им это время, тот же, как глубоко верующий человек был не против.

Из-за этого, точного расписания казней, здесь никогда не было. Иногда всю неделю палач мог сидеть без дела, а иногда за день приходилось казнить более четырех человек, рекорд 9. С одной стороны прекрасно, не нужно никого убивать, но с другой монеты палачу платили за работу, а не безделье, поэтому нет голов, значит и не будет монет. Конечно, умереть от голода ему не грозило, ведь в конце каждого месяца платили фиксированное жалование.

Раньше на каждое преступление было свое наказание, за убийство отрубали голову, за кражу руку или палец, смотря, что украл, повесить могли за клевету или распутное поведение, что было здесь не редкостью, но в последнее время все перемешалось. Из-за того, что решение выдавал король, наступил полный хаос, теперь за воровство не редко рубили головы, а воровали в большей степени дети. В какой-то момент веревку вообще сняли, вид дергающегося тела перестал удовлетворять народ, им нужна была кровь, море крови брызжущее из артерий и заляпывающее их радостные лица.

В самом конце подземелья стояли запертые на засов железные двери. Когда они отворялись, а происходило это за пять минут до полудня, перед заключенными появлялась дорожка, ведущая через площадь к небольшой деревянной постройке, где их к тому времени уже ждал палач.

Сто пятьдесят шесть шагов, включая 4 скрипучие ступеньки, именно таким было расстояние от камеры до пенька, на который заключенные в последний раз клали свои уставшие думать головы, но каждый проходил этот путь с разной скоростью. Как только решетка открывалась, заключенный понимал, что эти самые сто пятьдесят шесть шагов ждут его, и пришло время, пройти этот невероятно долгий, как вся его жизнь, путь.

На ощущение приближающейся смерти все заключенные реагировали по-разному, но все их буйства и крики ограничивались железной решеткой и тремя кирпичными стенами. К палачу же они выходили абсолютно опустошённые, с потерянным взглядом, лишённые всех эмоций и прикованными к земле, как у провинившегося ребенка, глазами.

Хоть в подземелье не было окон, было очень светло. Факелы были приделаны сбоку от каждой решетки, специально на расстоянии чуть большем вытянутой руки, чтобы заключенные не могли дотянуться до них, и слепили всех, кто здесь находился.

Желтый от огня факелов пол, был больше похож на зеркало, он отбрасывал от себя свет и лишал заключенных тени, которая была им так нужна. Многие из-за этого его ненавидели,

они мочились на него, плевали, но когда до них доходило, что это последнее по чему они пройдут в этой жизни, гадости тут-же прекращались. И так как в камерах не было окон с видами на прекрасные сады или водопады, им оставалось только сидеть и часами разглядывать этот переливающийся огненный пол.

Палач не проводил здесь много времени, но и без того знал абсолютно каждого заключенного в лицо, и то, что тот совершил чтобы попасть сюда. Конечно запоминать всех у него не получалось, да он и не пытался, но попадались персонажи которых было невозможно выкинуть из головы, уж слишком тяжелым было то, что они сделали. Как раз одним из таких и был пекарь. С виду добрый 40 летний мужчина, всю жизнь не отходивший от печи и пахавший в 3 пота чтобы прокормить семью. Его ароматные булочки были местным достоянием. Настоящий пекарь от бога – так его все называли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.